

Сергей АВЕРИНЦЕВ филолог, историк культуры: Человек должен ощущать себя внутри веков

Борис ПАСТЕРНАК

Сергею Сергеевичу Аверинцеву сегодня исполняется 65 лет. Один из самых авторитетных ученых-гуманитариев нашего времени, он воспринимается многими едва ли не как современник Иоанна Златоуста и Блаженного Августина, как средневековый книжник или древнерусский толмач. Литературные и ученые критики называют его то "средиземноморским почвенником", то "современным византийцем", подчеркивая отдаленность его интересов от реалий наших дней. Но удивительным образом эти интересы всегда оказываются остро необходимым и современникам и востребованными ими. О том, почему так получается, спросил академика Сергея АВЕРИНЦЕВА, позвонив ему в Вену, корреспондент "Известий" Борис ПАСТЕРНАК.

- Сергей Сергеевич, почему "вести из древней истории" становятся актуальными?

- Я очень люблю ругательное словосочетание "хронологический провинциализм", которое принадлежит английскому христианскому писателю и ученому Клайву Льюису. Всякая современность, которая попытается замкнуться в себе, заболевает этим хронологическим провинциализмом. Человек должен ощущать себя внутри веков и тысячелетий. Это совершенно необходимо, без этого человеческий ум стремительно разрушается.

- Когда-то, став народным депутатом и членом межрегиональной депутатской группы, вы оказались в самом центре политической жизни. Вас тяготило участие в политике?

- Я считал это своей обязанностью именно в тот момент - момент исключительный, когда принимались очень важные решения. Впрочем, самый первый мой ответ на приглашение выдвинуть кандидатуру был и тогда отрицательным. Я никогда не считал это своим призванием. Но, вы помните, была такая ситуация, при которой избиратели из системы Академии наук должны были голосовать против предложенного им насильственно урезанного списка. Это потребовало незамедлительно выдвинуть альтернативный список. И в той ситуации я не мог отказаться от долга солидарности, только поэтому согласился.

- Вы считаете, что кабинетный ученый может принимать участие в политике только в кризисных ситуациях?

- Я не решаю ни за кого другого, но у ученого, как правило, есть другие каждодневные обязанности. Возникает сложный конфликт между различными обстоятельствами, и всякий раз каждый человек должен делать выбор совсем отдельно. Никаких общих правил не существует. Во всяком случае, я никогда не возьмусь решать за другого человека или даже за самого себя, имея в виду какую-то будущую ситуацию.

- С относительно молодых лет у вас был почти непререкаемый авторитет среди интеллигенции. И ваше нынешнее отсутствие в активной общественной жизни так или иначе сказывается на всех нас. Не воспринимайте это, пожалуйста, как претензию, но место, которое занимал Дмитрий Сергеевич Лихачев в жизни российского общества, до сих пор вакантно...

- Я не отношусь к своей персоне столь торжественно. Пока, дай бог, чтобы моих сил хватило на каждодневные дела и какое-то участие в продолжении, выживании культурной традиции. Это, наверное, все-таки тоже общественное служение - по мере моих сил, слабых сил... И должен сказать, что чрезвычайно живо ощущаю: мы сейчас переживаем время, когда всякий, кто не сделался хотя бы на доли миллиметра умнее, чем был вчера, делается бесконечно глупее, чем был вчера. Я с испугом ощущаю эту возможность для себя. Я делаю усилие для того, чтобы этого со мной не случилось. Но, кажется, безразличия к тому, что происходит, я не проявляю и теперь.

- Можно ли узнать, какая рукопись лежит сейчас на вашем письменном столе?

- То, чем я занимаюсь, - самое важное для меня самого, это комментирование синоптических Евангелий, то есть первых трех Евангелий, и приведение в окончательный вид перевода Евангелия от Матфея, а также переводов Евангелий от Марка и от Луки, напечатанных в журнале "Церковь и время". Сейчас я работаю над обстоятельным комментарием к ним. Эта работа для меня одновременно трудна и в высшей степени привлекательна. Кроме того, я работаю над книжкой, которая должна называться, по-видимому, "Русский поэт читает евангельские стихи".

- То есть вы находитесь в кругу своих обычных интересов - Евангелие, поэзия...

- Да. К тому же поэзия и библейские темы в одном пункте сходятся. Я не спеша готовлю свои переложения ветхозаветных псалмов. Стремл

уюсь при этом удерживать хоть что-то от ритмики подлинника. Звучащее слово, как в несколько ином контексте настаивал Гете, слово произносимое, а не просто написанное или читаемое глазами, - это для псалмов очень важно.

- А вот как церковь относится к вашим переводам? Существуют ведь привычные, канонические тексты...

- Я сам не спешу предлагать мои переводы иначе как для чтения. С другой стороны, я знаю, что, например, в каком-то приходе в Архангельске как будто бы некоторые из моих переводов псалмов известны. Важно и то обстоятельство, что мои переводы Евангелий были гостеприимно приняты журналом "Церковь и время", это журнал так называемого иностранного отдела Московской патриархии. Но в отношении к своим ближайшим и непосредственным задачам это серьезный церковно-научный журнал.

- Вы допускаете, что с течением времени ваши тексты займут свое место и во время богослужений?

- И помимо богослужений, при чтении. И в конце концов, есть вполне почтенный и старый обычай, когда верующие люди собираются и поют вместе или напевают про себя какие-то благочестивые напевы, которые, однако, не притязают быть богослужебными.

- Вы переводите псалмы с древнееврейского?

- Да, с постоянным учетом поэтических особенностей древнееврейского подлинника, но и при постоянном учете чрезвычайно важной для христианской традиции греческой версии.

- Сейчас обращение к религии в России стало достаточно массовым явлением. Как вы к этому относитесь?

- В такое время или в другое, все равно судьбы каждой души - это отдельные судьбы. И в наше время есть такие же подлинные и трудные личные обращения к Богу, как и в любое другое время. Вопросы собственно духовные неадекватны социологическому анализу.

- Я попросил бы вас прокомментировать одну написанную вами фразу: "Чересчур обезболенная жизнь становится лишена значительности".

- Сейчас во всем мире довольно распространены такие словечки вроде "позитивно мыслить" - это значит не думать о вещах неприятных, не позволять себе никаких травматических переживаний и т.д. И мне к

ажется, что это небезопасно, что человек не должен отказываться от того человеческого существования, которое ему грозит болью. Человеческая жизнь, я еще раз повторю, ни в коем случае не устремляюсь ни в направлении ложных трагедий, ни тем более в направлении мазохистских тенденций, не должна быть чересчур анестезирована.

- Вам присудили престижную в культурном мире премию Аньелли с формулировкой "За диалог между культурными вселенными". Возможно ли с вашим участием более эффективный диалог с одной из самых близких вселенных, с католическим миром?

- Я думаю, что этот диалог был реальностью даже в самые тяжелые времена религиозных войн, сравнительно с которыми современные конфликты - это нечто очень благополучное. Не будем забывать о том, как много значили некоторые западные духовные авторы для великих русских святых. Как, с другой стороны, влияла православная икона в различные эпохи и в различных странах, особенно в Италии, Греции, на католический мир. Диалог был все время. Когда Пушкин пожелал называть трех, как он выражается, "людей благоволения", то все трое в его списке - католики. О таких вещах нельзя забывать.

- Вы оптимист, как я понимаю. Что вам дает основания для оптимизма?

- Нет, я не оптимист. Мой любимый писатель Честертон говорил, что не надо быть ни пессимистом, ни оптимистом, потому что и пессимизм, и оптимизм противоположны надежде. А надежда - это такая добродетель, которая предполагает ощущение риска. Я готов надеяться перед лицом совершенно реальной опасности. Но я никак не могу назвать себя оптимистом.

